СОВЕТСКИЙ

ФАРФОР

Сергей Чехонин.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦИЯ С. А. АБРАМОВА

СОВЕТСКИЙ ФАРФОР

СТАТЬИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, С. Н. ТРОЙНИЦКОГО,
В. В. ФИЛАТОВА и С. А. ТРАНЦЕЕВА

МОСКОВСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1927

Ленинградский Гублит № 23241. Тираж 2000.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОД

Императорский фарфоровый завод в Петербурге имеет свою художественно-славную историю.

Конечно, это была высоко-барская придворная затея, вызванная желанием подражать Западно-европейским дворам и по возможности превзойти их.

Так как фарфор представляет собою материал полный необычайной прелести, могущий принимать разнообразные изящнейшие формы и допускающий всякие виды окраски и раскраски, то неудивительно, что европейские господствующие классы чрезвычайно увлеклись этим изящным элементом обстановки, пришедшим с Дальнего Востока, граничащим с высоко-художественными произведениями и даже драгоценностями, музейными редкостями и т. д.

Богатые классы, аристократия, высшие слои буржуазии прошли за последнее столетие очень своеобразную историю развития вкуса, которая отразилась и на фарфоре. Создался целый особо хрупкий, нежный и привлекательный мирок искусства из всевозможной посуды, безделушек, статуэток, статуй, вплоть до монументальных порою ваз,—мирок, в который вложено было невероятное количество человеческого вкуса и умения. В этом своеобразном и привлекательном уголке мирового искусства русский императорский фарфор занял видное место.

Он был тесно связан с фарфором все-европейским, переживал в общем все фазы его эволюции, но подчас проявлял и некоторые оригинальные, собственные свои черты.

Громовая революция, казалось бы, в своих титанических борениях должна была раздавить вдребезги не только такую хрупкую, при этом чуждую народным массам ценность, как фарфор, но и целые галлереи картин и скульптуры. Но этого не произошло. Конечно, кое где, в более или менее глухих усадьбах, происходило истребле-

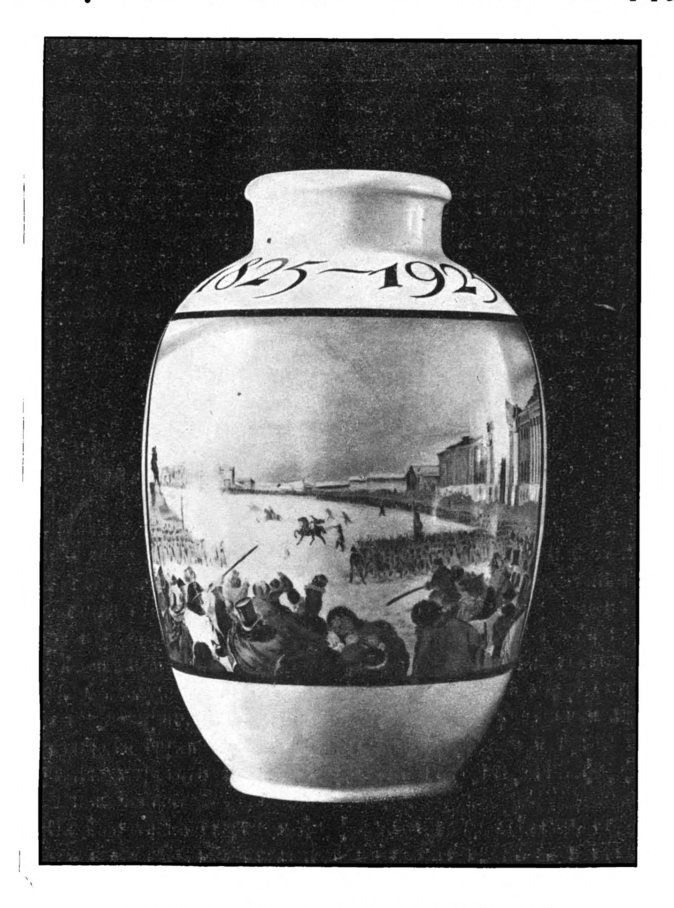
ние имущества ненавистного имущего класса и при этом погибли ценные и интересные вещи, в том числе и фарфор; но в общем можно изумляться тому, с какой бережностью, можно сказать, нежностью, великая революция оберегала художественные ценности, в том числе и эту, из всех наиболее ломкую и легко гибнущую. Наша коллекция фарфора принадлежит к числу богатейших в мире; напр., коллекция в Эрмитаже увеличилась именно теперь. В начале революции перед Советской властью стоял вопрос,—как же быть теперь с фарфоровым заводом. Уже тогда было ясно, что фарфоровый завод может быть приспособлен к производству химико-технических изделий, труб из Маривардовых масс, высоковольтных изоляторов, пироскопов и т. д. Но дело шло не только о сохранении фарфорового завода, как такового, с переводом его на «утилитарную работу», — хотелось сохранить его, как художественную единицу, в виду достигнутых им крупных результатов и в виду полной возможности распространения и художественных его произведений, пока в известных прослойках населения с тем, чтобы расширять эти слои все дальше и дальше. Наркомпросс взял на себя тогда поддержку этого завода. И сколько заботы и трудов положено было на спасение его и выдающимися людьми, стоявшими тогда во главе его, и самими рабочими, с необыкновенной преданностью остававшимися ему верными в самое тяжелое время, и Наркомпросом!

В конце концов завод оказался спасенным, оказалось спасенным его художественное производство.

Года два тому назад я посетил этот завод вместе с т. М. И. Калининым, который сказал рабочим завода чудесную речь. Он говорил в ней о том, что весь рабочий класс и крестьянство поблагодарят рабочих фарфорового завода за то, что они сохранили им это изящное производство. Он говорил о том, что постепенно, но несомненно разовьется вкус у наших трудящихся к изящной жизни, к изящной обстановке, что они потянутся и к фарфору, что они будут понимать, сколько радости может доставить становящейся постепенно все более уютной квартире рабочей семьи—красивое фарфоровое произведение.

Но, само собой разумеется, что если мы вполне можем хотя и в более далеком будущем предвидеть продвижение фарфора во все более широкие массы, то, с другой стороны, надо, чтобы сам фарфор видоизменился. Одно дело—служить вкусам бар, царя и богачей, другое дело—со всем изяществом выразить идею, чувства людей трудовых. Остается, конечно, проблема, которую разрешит лишь будущее.

Может ли такой хрупкий материал вполне слиться с тем более терпким и мужественным искусством, которое несомненно выдвинется вкусом масс? Но одно несомненно: сейчас советский фарфор

С. Чехонин. Декабрьское восстание. 1825—1925

двинулся навстречу массам, советский фарфор высвободился из-под спуда тех же вырождавшихся форм, какие придало ему царствование Николая II.

Ныне, под руководством Центрального Фарфорового Треста, его инженеров и художников, наш фарфор вновь расцвел небывалым образом. Мотивы более близкие к народу, мотивы тех свободных форм ярко современного характера, которые еще никто не решился применять и фарфору, мотивы идейные, связывающие через надписи и рисунки фарфор с нашей современностью,—все это, с сохранением чрезвычайного вкуса и с проявлением тончайшей изобретательности, расцвело в художественном производстве фарфорового завода и придало советскому фарфору значительный художественный вес, настолько, что к русскому фарфоровому производству стали проявлять небывалый интерес во всех странах Европы. (Завод наш несколько раз участвовал в заграничных выставках с неизменным успехом, получил выдающиеся награды). Несомненной наградой для него является и то, что в тех случаях, когда он может сделать свое производство сколько нибудь дешевым и доступным, он находит широчайший отклик и у нас, внутри страны и при том не среди нэпманов, а среди коренного, трудового нашего гражданства.

Еще никто не может предсказать, что в конце концов выйдет из этого искусства в дальнейшей эволюции нашей новой социалистической культуры, но мы от души желаем заводу, теперь уже не императорскому, а советскому, и его усердным искусным мастерам, от мала до велика, всяческого успеха.

А. Луначарский

СОВЕТСКИЙ ФАРФОР

Фарфор, наиболее совершенный из всех керамических материалов, за свою более чем тысячелетнюю историю, в разные эпохи и в разных странах переживал различные стадии и формы использования. Возник он в Китае, вызванный к жизни вполне реальными требованиями быта. Проникнув в Европу, еще в конце средневековья, он долгое время был только редкостью или предметом украшения и коллекционирования и потому все попытки наладить это производство в Европе терпели неудачи. Лишь в конце XVII в., когда и условия европейского быта потребовали более широкого использования фарфора для практических потребностей, хотя бы и сравнительно ограниченного класса лиц, был открыт секрет изготовления, сначала полуфарфора, более красивого, но технически менее пригодного, а затем и настоящего твердого фарфора, производство которого быстро распространилось по всей Европе, в короткий промежуток времени прошедшего от художественного к промышленному, а затем и к техническому использованию.

Большинство европейских заводов XVIII века возникало будто по капризу отдельных лиц, но на самом деле они могли существовать и развиваться лишь поскольку в этом материале ощущалась действительная необходимость, лишь поскольку такое производство экономически оправдывалось, Тоже самое было и с нашим императорским фарфоровым заводом. Устроенный в середине XVIII века для удовлетворения прихоти пышного двора Елизаветы, он быстро перерос свое первоначальное назначение и хотя до самого момента революции оставался вполне дворцовым учреждением, на самом же деле был тем источником, откуда производство распространилось по всей России, откуда заимствовали и технику, и формы все русские заводы, перерабатывавшие их в соответствии с нуждами своих потребителей.

В художественном отношении императорский фарфоровый завод работал и развивался в тесной связи с художественными течениями и формами западно-европейских заводов, пользуясь их изделиями в качестве образцов и приглашая на работу иностранных

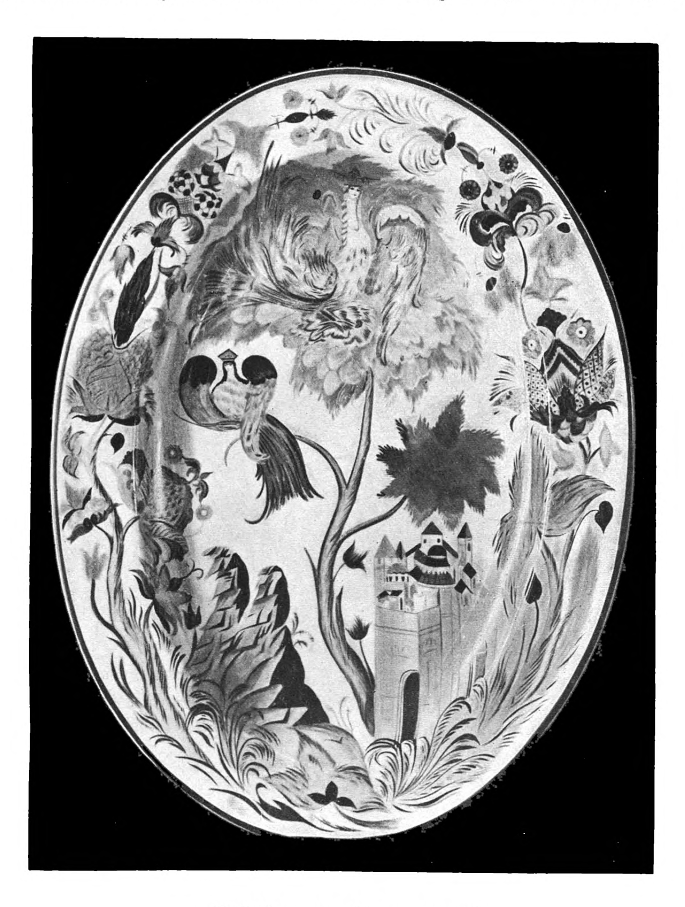
мастеров. В первые десятилетия иначе и нельзя было, за отсутствием у нас и материала и подготовленных для этой работы художников В дальнейшем же этому содействовало самое развитие производства. Только кустарная работа может протекать более или менее изолированно, при большем же масштабе дела, всегда будет очень сильная связь и взаимные влияния с аналогичными производствами других стран. И русские художники, привлекавшиеся к работам на заводе в течение XIX века, не могли оказать в этом отношении большого влияния, так как они и по своему художественному образованию и по своей психологии были тесно связаны с западом, и обслуживать завод должен был те круги, которым западно-европейские формы жизни были ближе, чем русские. Конечно и материал, и техника, и фактура придавали русским изделиям отличительные черты, по которым опытный глаз почти всегда (но не всегда) может отличить русский фарфор от иноземного, но за исключением этого в нем, за XIX век, было мало характерного. Те периоды, когда в изделия фарфорового завода проводился принцип национального искусства, не дают в этом отношении ровно ничего, так как этот национализм был чисто внешний, и все эти сделанные в условно «русском» стиле вещи, могли б таким же успехом быть исполнены на любом другом заводе. Те характерные черты, которые создают настоящий национальный, т. е. народный стиль должны иметь глубокие корни в широких массах, а этого не могло быть вообще из за диференциации между искусством и широкопонимаемым бытом. Чистое искусство не было общей потребностью и потому не могло ни влиять на жизнь, ни питаться плодотворными соками народной жизни. За этот период завод создал ряд прекрасных произведений, но не исполнил своего непосредственного назначения, обслуживать одновременно практические и художественные потребности населения.

Революция в корне изменила все дело и перед заводом встали две крупные задачи, во первых снова наладить производство и поднять технику на должную высоту, а во вторых, и это было пожалуй еще труднее, в корне изменить характер производства для удовлетворения нужд массового потребления.

Во главе художественной стороны дела стал С. В. Чехонин, быстро создавший целую школу, начавшую работать под его руководством.

Чехонин подошел к фарфоровым изделиям как к плоскостям, используя их, подобно китайским художникам, в чисто живописном отношении, не стараясь связать рисунок с отдельными деталями формы предмета. Благодаря этому получалась широкая и всякому понятная композиция, радующая глаз умелым сочетанием красок.

На первый взгляд, многие рисунки, исполненные на изделиях Государственного Фарфорового Завода, могут показаться несколько изысканными и утонченными для нашего времени, но такая оценка

С. В. Чехонин. „Птицы вещие"

их будет неправильна. Тонкий мастер графики Чехонин и его сотрудники и последователи — Щекотихина, Лебедева, Кобылецкая и др. не могли и не хотели вносить в работу нарочитую лубочность, как

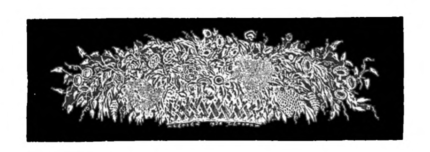
это могли бы сделать менее чуткие художники, но вместе с тем в сочетании рисунка с подбором красок они сумели связать свои новые достижения со старым народным искусством, и вещи созданные ими не являются чем-то наносным, они одинаково понятны всякому ищущему красоты, на каком бы уровне развития он ни стоял.

В смысле сюжетов тоже не было никакой условности, вещи агитационного характера в художественном преломлении, сцены и аллегории из современной нам, радостно и болезненно выковываемой жизни чередовались с чисто живописными сценами и могли отвечать на запрос потребителя, с каким бы требованием он неприходил.

Тот успех, который наши изделия имели заграницей доказывает, что их художественное значение, являющееся одним из завоеваний революции, понятно и людям чуждым нам по психологии и тем может быть острее оценивающим художественность достижения. А все растущее потребление внутри страны показывает, насколько верен путь намеченный нашими художниками. Нет сомнения, что постепенно, с облегчением условий личной жизни, фарфор, как неоценимый материал, в художественном его использовании станет проводником красоты в самые глубины народной жизни и сыграет в этом отношении огромную работу.

О значении скульптурных произведений фарфорового завода в настоящее время еще труднее говорить, слишком еще мало у нас возможностей думать в своем быту о предметах чисто декоративного значения. Но и здесь тонкие фигурки работы Данько, Кузнецова, Матвеева, Страховской и других сохранили нам искренно воспринятые типы нашего времени и дали ряд небольших, радующих глаз произведений, которые не только останутся определенными достижениями в истории фарфорового производства, но и несомненно будут тем исходным пунктом, от которого в своем дальнейшем развитии должна будет исходить фарфоровая скульптура, потребность в которой, для тонкого и радостного украшения жилища, должна скоро развиться и стать для всех подсознательной необходимостью.

С. Тройницкий

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФАРФОР

Создать красоту и уют жизни—одна из насущных задач человечества. Еще первобытный дикарь выдавливал ногтем незатейливый рисунок на своем кувшине, вылепленном из простой глины. С развитием культуры формы сосудов и рисунки становились все разнообразнее и изящней, материал улучшался, наконец на Востоке был изобретен фарфор,—легкая, красивая масса, дающая возможность яркой и пышной раскраски.

Выделка фарфора перенеслась на Запад и здесь приобрела свои формы и особенности, и родились новые виды фарфора,—севрский, саксонский, копенгагенский и т. д.

Россия XVIII века, во всем подражая Европе, не могла остаться без этой отрасли изящной промышленности и вот в эпоху Елизаветы Петровны в 40 годах был создан Петербургский фарфоровый завод.

Сначала работа развивалась медленно и носила характер опытов. Примером может служить статуетка—чернильница «Медведь». Она очень напоминает наши русские деревянные игрушки. В этот первый период выделывали по преимуществу мелкие вещи,—табакерки, посуду, блюда, но на всех них, особенно конца Елизаветинской эпохи лежит отпечаток тонкой, исключительной художественности.

При Екатерине II, Павле и Александре I завод развертывается во всю ширину; он выпускает роскошные сервизы, гигантские вазы, статуэтки, медальоны для украшения стен, и занимает положение наравне с лучшими европейскими заводами. При Николае I начинается застой в художественном развитии русского фарфора, при Александрах и Николае II наступает медленный и явный упадок. За этот период интересного было только введение на петербургском заводе работ по типу копенгагенского фарфора. Эта подражательная форма удачно привилась у нас, ибо голубовато-серые, бледные тона, характерные для копенгагенских изделий вполне соответствуют пейзажу и тонам русского севера. Они совпадали с тонами таких ху-

дожников, как Левитан и Нестеров. Они и внутренне соответствовали тогдашним настроениям нашей общественности, сумеркам русского духа, отразившимся в литературе, искусстве и художественной промышленности.

Революция отняла все сомнения и колебания, растворила нежность и грусть, и дала всему четкие контура и резкие тона. Это отразилось и на фарфоре. Он ожил и преобразился. Начались напряженные искания новых форм, красок и содержания. К этой творческой работе был привлечен в качестве художественного руководителя такой талантливый художник, как С. В. Чехонин, и можно сказать, что он, вместе с рядом прекрасных сотрудников, наложил отпечаток на весь этот период.

Одной из первых революционных работ фарфорового завода было крупное юбилейное блюдо по рисунку Чехонина к Октябрю 1918 года, — герб РСФСР в цветах, исполненное золотом и яркими красками. За этим последовал целый ряд агитационных вещей. По рисункам Чехонина был исполнен ряд графических портретов на фарфоре, — Ленина, Розы Люксенбург, Либкнехта, Луначарского и др. деятелей Революции.

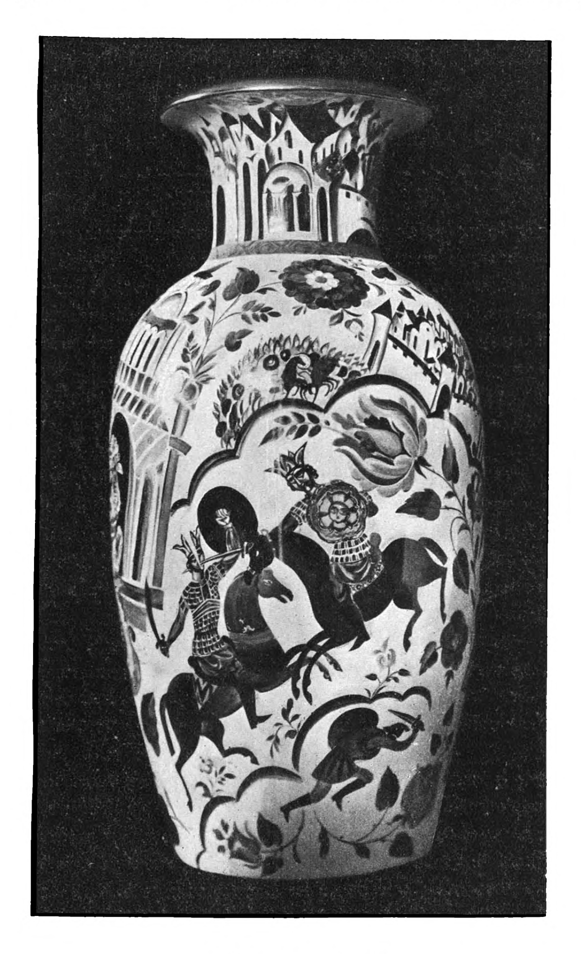
В исполнение ряда больших блюд с агитационными сюжетами принял близкое участие художник Адамович. Наравне с вещами, связанными с современностью, он дал, как воспоминание о прошлом, замечательно изящную сюиту старого Петербурга на двенадцати тарелках.

Художница З. В. Кобылецкая дала целый ряд разнообразных работ: Агитационных, как блюдо «Петроград», где переданы все петроградские красные газеты, ваза «Древо афоризмов Вождей Революции», замечательную вазу «СССР» где очень интересно сочетание старой формы вазы с совершенно новым содержанием. А рядом с этим ее же тонко художественная, созданная под влиянием иконописи, ваза—«Древняя Русь».

Целый ряд художников вдохновляется новыми революционными сюжетами. Ивашинцева дает блюдо «Жница», Щекотихина тарелку «Комиссар», Лебедева создает одну из самых оригинальных работ,— блюдо «Телефонист», где на фоне огромного города стоит красноармеец, вдали проносятся аэропланы, и весь он заткан телефонными проводами, тянущимися к городу, расположенному на втором плане.

Недолгое время на заводе работали супрематисты, Суетин, Чашник и др. оставившие ряд оригинальных вещей, как чернильница, кофейники, украшенные геометрическими фигурами и другими атрибутами супрематического орнамента.

Рядом с революционными сюжетами использован целый ряд чисто русских мотивов: блюдо Щекотихиной «Иван Дурачок», пора-

О'Коннель. „Ваза"

жающее своей яркостью и динамикой, где фигура любимого героя русских сказок мчится куда то вперед в веселом, диком порыве. Ее

же странный и неясный «Домовой». Блюдо Татлина «Царевич»,— грустная фигура со склоненной головой в стиле древне-русских фресок. Необычайная, по своим ярким тонам сказочное блюдо Васильяновой «Змий», привлекающее своими красочными пятнами. Блюдо Чехонина, воспроизводящее с новой силоймного раз повторенный в нашем искусстве сюжет «Вещих птиц»,—Сирин и Гамаюн.

Последние работы завода поднимаются на исключительную высоту и вероятно будут признаны лучшими вещами на художественном мировом рынке. Из них приходится особенно отметить целый ряд блюд, сервизов и отдельных фарфоровых вещей, украшенных любимым цветочным орнаментом Чехонина. Свою тонкую, изящную графику он перенес на фарфор и придал необыкновенную отчетливость рисунку, чего мы раньше совсем не встречали на фарфоровых вещах. Но бесспорно самой крупной работой являются сервизы для Наркоминдела и Полпредств, созданные Чехониным на тему «Руслан и Людмила». Начиная с вазы — «Похищение Людмилы», через избушку на курьих ножках попадаете вы в замок Черномора видите всех героев поэмы, размещенных на кофейниках, тарелках и чашках.

Замечателен целый ряд вещей, посвященных столетию декабристов: блюдо и кружки с портретами пяти казненных, ваза «Восстание Декабристов», где изображена сцена на площади перед Сенатом и др. Исключительно по своей красоте и серьезной вдумчивости юбилейное блюдо, исполненное С. В. Чехониным к 200-летию Академии Наух.

В заключение нельзя не упомянуть поразительную по своей мягкой красоте погребальную урну для пепла с огромной грустной розой работы Чехонина и рядом с этим его проникновенное блюдо «Голод», отражающее петербургское настроение 20 — 21 года.

В настоящее время работа фарфорового завода развертывается все шире и шире, он выпускает ряд прекрасных ваз работы О'Коннель, Корнилова и др. Завод притягивает к себе все новые и новые художественные силы.

Особым отделом завода является—скульптура: фигуры и статуэтки. На этом поприще работало много скульпторов и за советское время мы имеем целый ряд выдающихся вещей: бюст А. С. Пушкина П. Трубецкого, «Похищение Европы» В. Серова, целый ряд прекрасных работ Кузнецова: «Красногвардеец» «Дама с розой», «Кумушки», полные тонкого юмора, три судачащие фигуры из «Сказки о царе Салтане». Много вещей работы А. Т. Матвеева. Наиболее интересны его нагие женские фигуры тяжелого примитивного типа, но испол-

ненные с большой силой. Глебова-Судейкина дала целый ряд капризно изогнутых статуэток Пьеретт и танцовщиц. М. М. Страховская прелестно исполнила детские фигурки, например, «Кузнец» крохотный мальчишка с трудом поднимающий тяжелый молот, но особенно хорош «Пионер» в позе «всегда готов».

Выделяется в этой области Н. Я. Данько. Она дала целый ряд революционных фигур: «Матрос», «Красноармеец», «Пионер». На бытовые сюжеты она вылепила: «Грузчики», «Работница», «Работница, вышивающая Красное Знамя», «Голод», «Милиционерка», «Гадалка», где замечательно сочетаются сидящая фигура старухи и склоняющиеся к ней девушки. Есть портретные статуэтки—поэтесса Ахматова и др. Данько исполнила целый ряд мелких вещей жизненного обихода: трубки для курения, флаконы для духов, пробки для винных бутылок в виде соответственных голов: профессора в очках для боржома, томной девицы—для ликера, и расплывшееся лицо пьяницы для русской горькой и пр.,—все они полны тонкого юмора. Она дала превосходные шахматы в виде двух армий: «красные» и «белые». Веселую чернильницу «Хулиганы» и т. д. В ее работах

Музей Государственного Фарфорового Завода

мы видим прогресс с каждым годом, а последняя вещь, которая была сделана специально для выставки—часы с фигурами «дня» и «ночи» является уже большим художественным достижением, которая показывает нам Н. Я. Данько, как крупного мастера.

Все ее фигуры привлекают прекрасной тонкой раскраской, которую всегда исполняет сестра ее—художница Е. Я. Данько.

Все эти работы Государственного Фарфорового Завода, являясь высоко-художественными, в то же время имеют один недостаток—малодоступность. Это все уники, слишком дорогие для среднего покупателя. Так было прежде, но уже теперь это положение начинает меняться. Госфарфорзавод должен стать художественной лабораторией, которая создает образцы, а другие заводы, Центрального Фарфорового Треста, где производится дешевый фарфор, начнут выпускать такие же художественные вещи в массовом масштабе и, благодаря вновь изобретенному художником С. В. Чехониным механическому печатанию на фарфоре, можно будет давать очень дешево вещи с рисунками любого крупного художника. И это внесет красоту и радость в обиход каждой трудовой семьи.

В. Филатов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ФАРФОР

Культурное значение Государственного Фарфорового Завода не исчерпывается только его художественными работами. Под влиянием развивающейся промышленности СССР, крепнущей лабораторной деятельности ученых, просветительных учреждений и учебных заведений завод развил совершенно новые отрасли производства, предназначенные для химико и электро-технических целей.

Особенно пригодным, в высшей степени благодарным для нужд промышленности оказался твердый фарфор.

Он обладает большим постоянством в отношении температурных изменений и отличается большой прочностью. Химикалии, и в особенности крепкие кислоты, не оказывают на него разрушающего влияния. В отношении электрической изоляции (диэлектрическая крепость) материал твердого фарфора огнестоек, однороден в своем строении, негигроскопичен (не порист) и отличается большим удельным электрическим сопротивлением. При обработке, сушке, обжиге и охлаждении допускает отсутствие внутренних напряжений, гибельно отзывающихся на долговечности изделия. Твердый фарфор вырабатывается в глазурованном и неглазурованном виде. Оба вида абсолютно непроницаемы для газа. Долговечность твердого фарфора в сильной мере зависит от конструкции аппаратуры. При конструировании необходимо массу (материал) распределять равномерно так, чтоб избежать соединения кривых поверхностей с плоскостными, толстостенных частей с тонкостенными, всегда вызывающими нежелательные напряжения.

Необходимо также иметь в виду усадку фарфора при обжиге, дающую искривления и изменения в размерах, в силу чего конструкторам приходится вести работу в расчете на некоторые отклонения от точных размеров. Повышенные требования, предъявляемые к изделиям из твердого фарфора специального назначения, в значительной мере осложняют работу над ним. Без лабораторной помощи она просто немыслима.

Долгие годы напряженного труда, бесчисленные опыты и дорого стоющие испытания, дали возможность усовершенствовать выпуск химико-технической аппаратуры, и если результаты получились удовлетворительные то, вероятно, еще и потому, что за 180 лет своей жизни, старый завод сумел воспитать кадры великолепных работников, наследственно, от отца к сыну, передававших приемы мастерства, и усвоивших глубоким опытом проверенные методы искусного подхода к разрешению такого рода задач.

Ныне работа приняла организованный и устойчивый характер, и знаменитая Берлинская фарфоровая мануфактура, монополизировавшая выпуск технического фарфора для всего мира, успешно заменяется нашим заводом для всего СССР.

Качество изделий поднялось до высокого совершенства, что подтверждается авторитетнейшими учреждениями.

Химическая лаборатория Академии наук пишет: «должно признать качество ваших химических изделий чрезвычайно высоким и неуступающим заграничным».

Завод «Большевик» (б. Обуховский) свидетельствует: «ваши пирометрические трубы весьма удовлетворительны и вполне отвечают своему назначению».

Плавильно-аффинажная лаборатория Наркомфина не менее лестно отзывается о технической аппаратуре: «Фарфоровые чаши 600 × 300 мм. после непрерывной трехлетней работы своих свойств не изменили и ни одна из них не лопнула, не смотря на колебания температуры от 100° до 10° С».

Подобные отзывы, а они весьма многочисленны, служат лучшим доказательством благотворной и разносторонней деятельности Государственного Фарфорового Завода.

Не только в искусстве, но и в области техники ему по праву принадлежит первенствующее место среди мировых корифеев, каковыми являются Берлинский, Мейсенский, Севрский и Копенгагенский заводы.

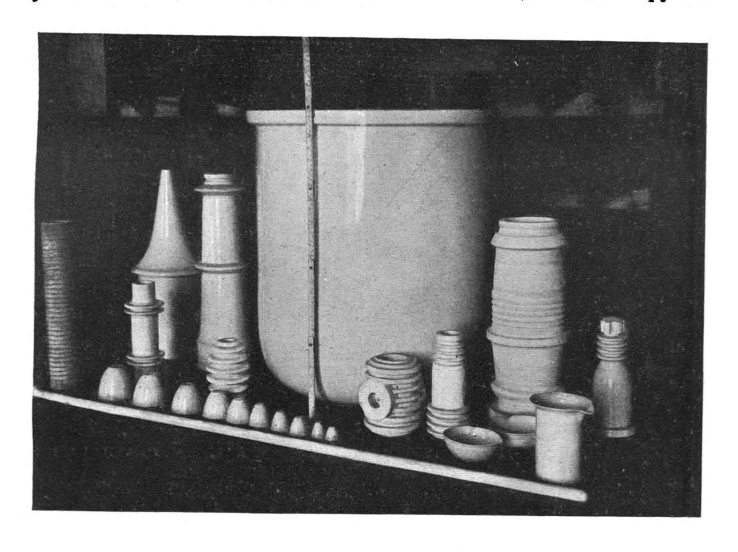
В настоящее время заводом обслуживается свыше 200 учреждений важнейшего государственного значения, среди которых почти все крупные заводы страны, все высшие учебные заведения, специальные технические школы, научные институты, общественные и военно-промышленные организации.

Заводом вырабатывается до 300 различных наименований, начиная от микроскопического тигля и кончая 200-ти литровым котлом, сантиметровой выпарительной чашкой и чашей-гигантом, диаметром в 1 метр, полмиллиметровой трубкой и трубой в 35 см, в диаметре,

при длине до 2 метров. простым роликом и изолятором с сопротивлением до 100000 вольт?

Некоторое представление о разнообразии технического фарфора, изготовляемого заводом, дают снимки, помещенные в настоящей книге.

Для своих изделий завод вырабатывает девять различных фарфоровых масс: 1. Обыкновенная сервизная; 2. «английская» высокохудожественная; 3. обыкновенная техническая; 4. для крупных

Технический фарфор

и толстостенных изделий; 5. химическая; 6. высоковольтная изоляторная; 7. пористая; 8. 2 массы для пирометрических труб, вполне заменяющие собой всемирно-известную массу Марквардта, отвечающую по своей огнеупорности всем требованиям, которые предъявляются к трубам, муфелям и иным изделиям и 9. мягкий фарфор для скульптуры.

К техническим достижениям завода, точнее — его лаборатории — относится и выпуск пироскопов, крайне простых по виду трехгранных пирамидок, высотой около 6 см. служащих прибором для определения температур в различных печах металлургической промышленности, горнах керамического и иных производствах, в коих пер-

венствующую роль играют наблюдения за процессом, происходящим в печах.

Шкала пироскопов ныне доведена до 42 номеров (шкала Зегера имеет 59 номеров). Каждый № имеет свой состав и отличается от последующего и предыдущего температурой плавления в 20 или 30 градусов С. Этот прибор прост, убедителен и достаточен для технических целей, его точность в показаниях температуры создала ему обширное применение.

В дополнение к сведениям о техническом фарфоре, необходимо указать, что в настоящее время он составляет 85% всего производства завода (15%—художественный фарфор). Этим успехом завод обязан исключительно творчеству инженера Ф. А. Портэна, бессменно в течении 20 лет трудящегося над усовершенствованием русского фарфора.

С. Транцеев

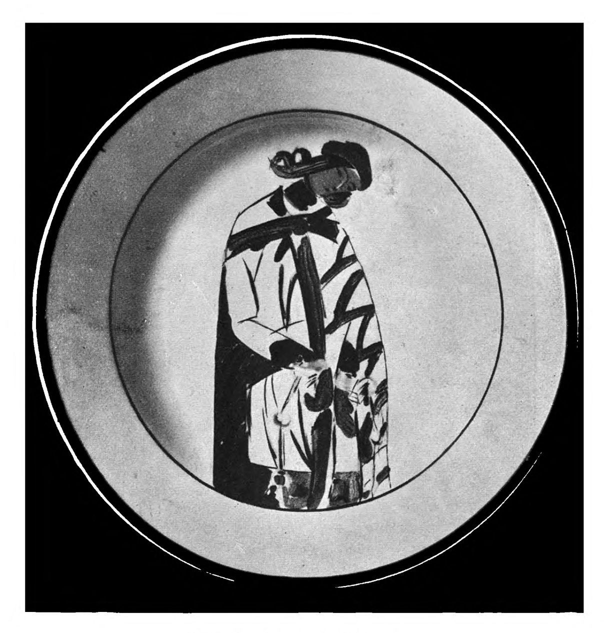

1917-1927

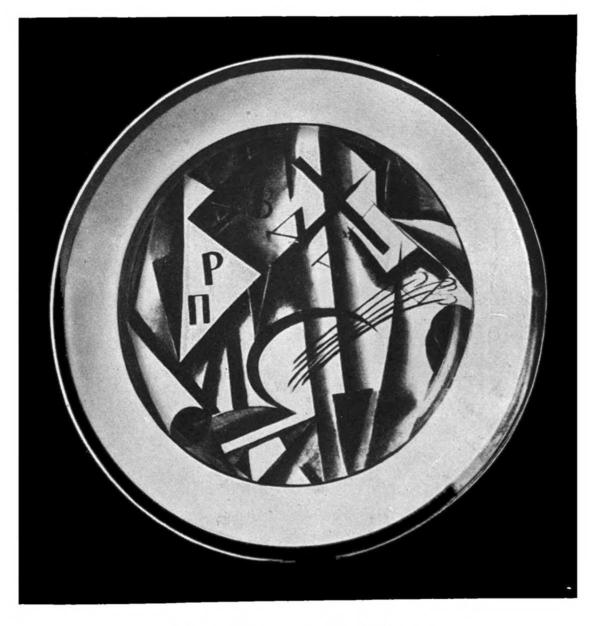

А. С. Пушкин. Скульптура П. Трубецкого

В. Серов. „Похищение Европы“. Скульптура

Блюдо. Рис. худ. Татлина

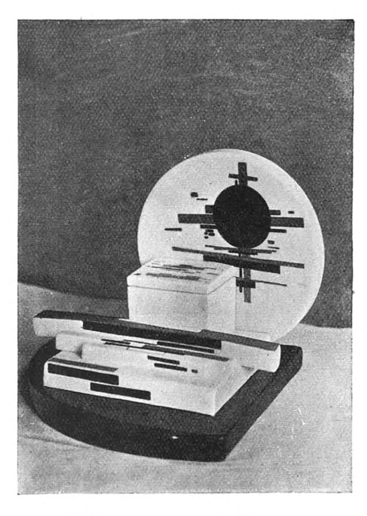

Блюдо. Рис. худ. В. Лебедева

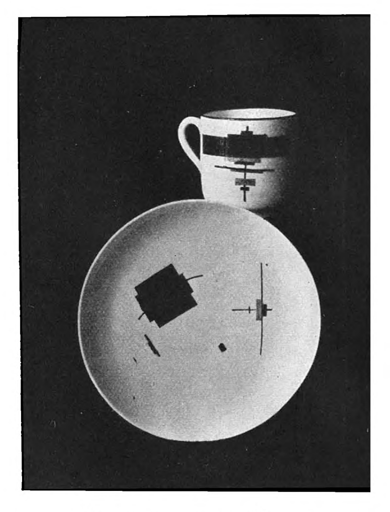
А. Щекотихина. Блюдо

С. Чехонин. „Голод“. Блюдо

Худ.-супрематист Суетин
Чернильница

Худ.-супрематист Чашник
Чашка с блюдечком

Худ.-супрематист Суетин. Кофейники

К 200-летию Российской Академии Наук. Блюдо поднесенное Академии Государств. Фарфор. Заводом. Раб. худ. С. Чехонина

Кобальтовый сервиз „tête-à-tête". По рис. С. Чехонина. Исп. маст. Скворцов

Н. Данько. Шахматы красные

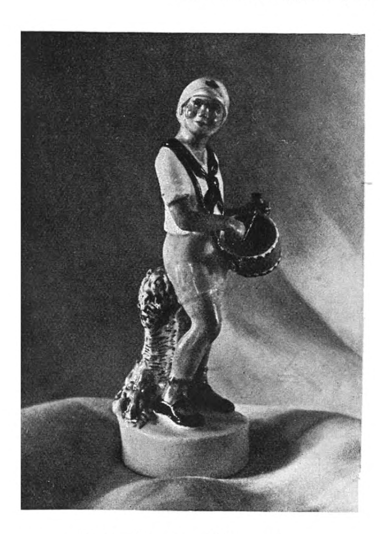
Н. Данько. Пробки

Чайный сервиз. По рис. С. В. Чехонина. Исп. худ. В. Рукавишникова

НО ВЫ ПОГИБЛИ НЕ НАПРАСНО:
ЧТО ВЫ ПОСЕЯЛИ ВЗОЙДЕТ.
1825
1925

С. Чехонин. „Декабристы". 1825 — 1925. Блюдо

Е. Я. Данько. „Пионер"

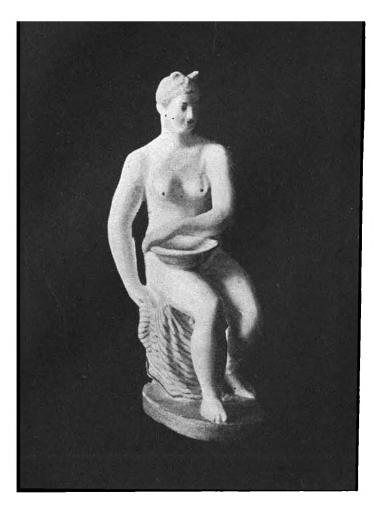

В. В. Кузнецов. „Кумушки"

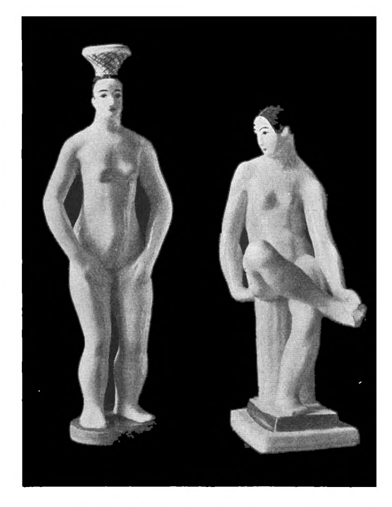
С. Чехонин. Блюдо

Образцы печатных работ „Декабристы", „к X-летию Совввласти"
По рис. худ. С. Чехонина

А. Т. Матвеев. Скульптура

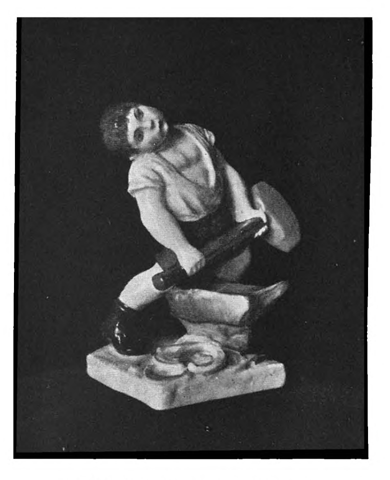
А. Т. Матвеев. Скульптура

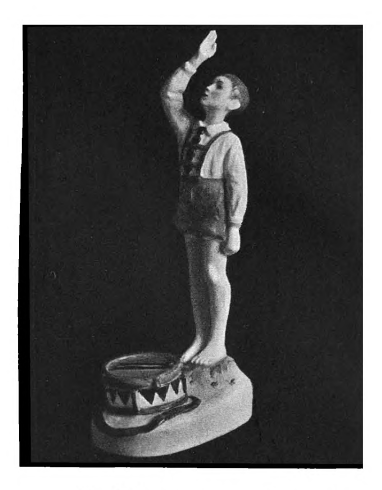
Глебова-Судейкина. „Танцовщица“

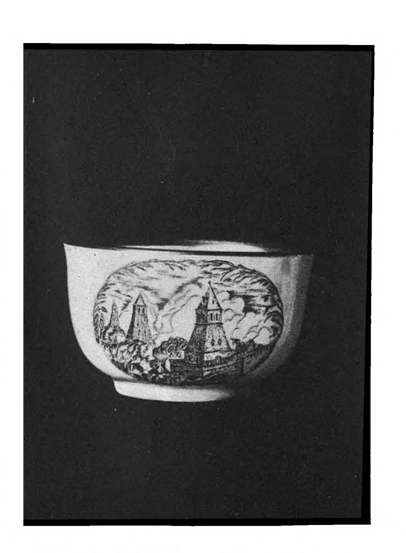
А. Т. Матвеев. „Гончар“ и „Огородница“

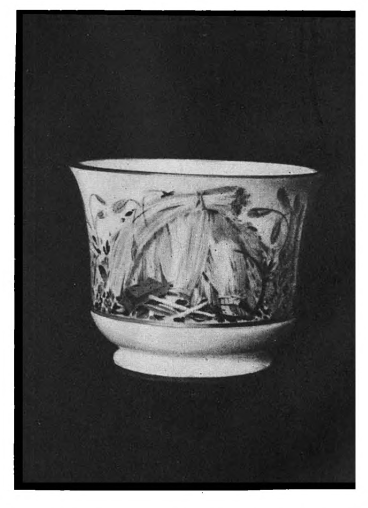
М. М. Страховская. „Кузнец“

М. М. Страховская. „Пионер“

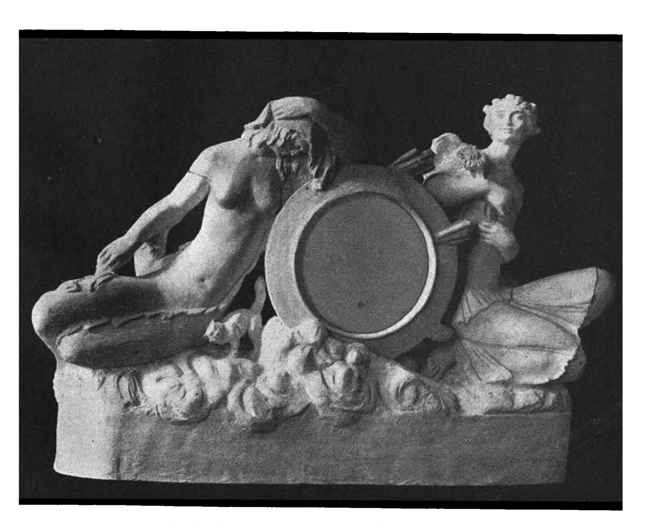
Новый способ печати по фарфору. „Кремль“. По рис. С. Чехонина

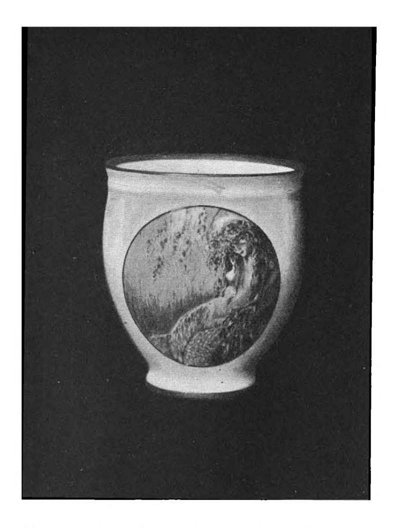
Чашка из сервиза Берл. Полпредства. По рис. С. Чехонина. Исп. В. Фрезе

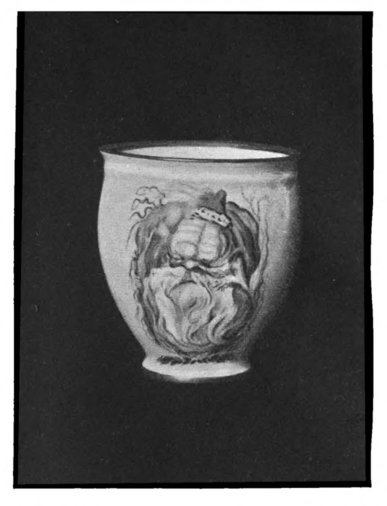
Н. Я. Данько. „Чернильница"

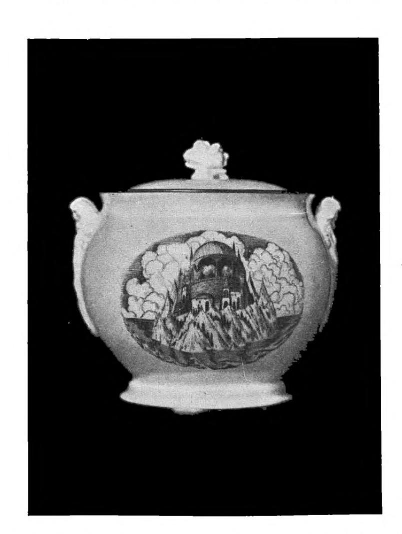
Н. Я. Данько. Часы — „День и Ночь"

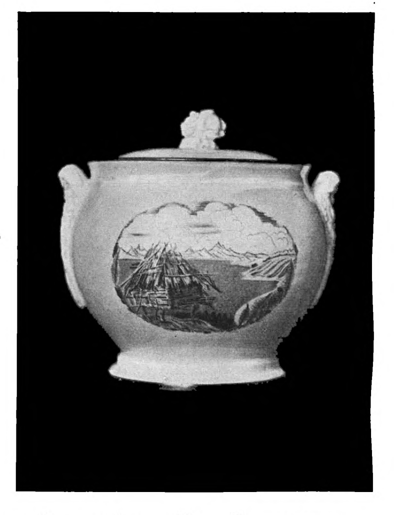

Кофейная чашка из сервиза „Руслан и Людмила“, для Берл. Полпредства. По рис. С. В. Чехонина. Исп. В. П. Фрезе

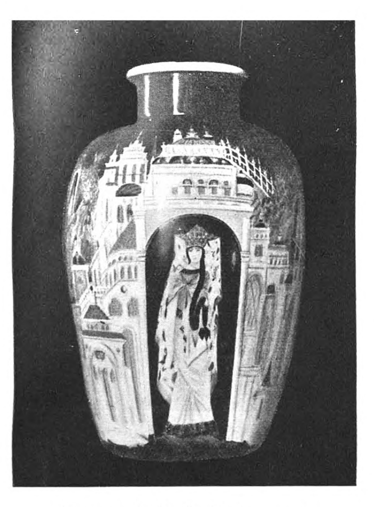

Кофейная чашка из сервиза „Руслан и Людмила“, для Берл. Полпредства. По рис. С. В. Чехонина. Исп. И. Скворцов

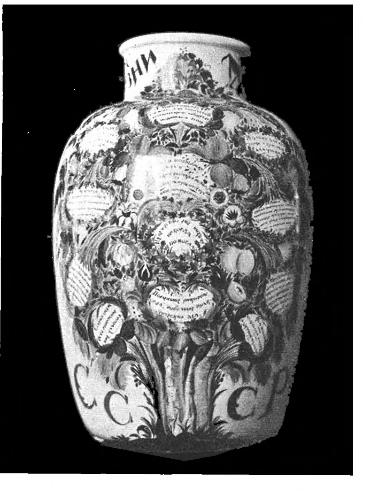

Сахарница из кофейного сервиза „Руслан и Людмила“, для Берл. Полпредства. По рис. С. В. Чехонина. Раб. В. П. Фрезе

Ваза раб. З. В. Кобылецкой „Древняя Русь"

Древо афоризмов Вождей Революции Ваза раб. З. В. Кобылецкой

С. Чехонин. Рис. для миски к сервизу Берлинского Полпредства

Кофейник из сервиза „Руслан и Людмила“ для Берл. Полпредства. По рис. Чехонина Исп. худ. М. Кирилловой

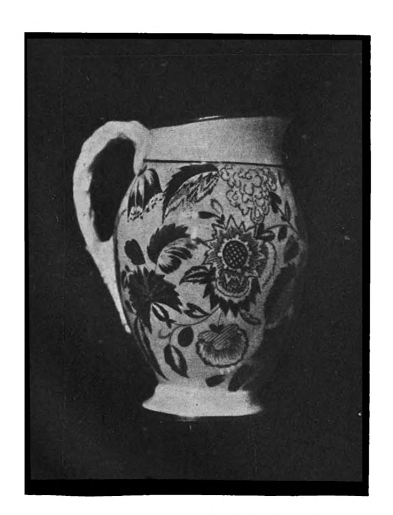
Урна. Рис. С. Чехонина Исп. З. Кобылецкой

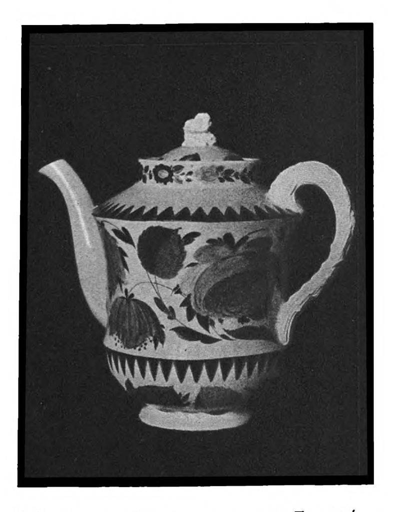
Сливочник из сервиза „Руслан и Людмила“ для Берлин. Полпред. По рис. С. Чехонина Исп. худ. М. Кирилловой

Сахарница из чайного сервиза для Берлинского Полпредства. По рис. С. В. Чехонина. Исп. маст. Кудрявцев

Сливочник из кофейного сервиза для Берлин. Полпредства. По рис. С. Чехонина. Исп. маст. Ф. Степанов

Чайник из чайного сервиза для Берлинск. Полпредства. По рис. С. В. Чехонина. Исп. маст. В. Фрезе

Химический фарфор

Технический фарфор

ЦЕНА 2 РУБ.

МОСКОВСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА, ТРЕХПРУДНЫЙ, 5/15